
Ульяна Муратова
Воротиться нельзя
влюбиться!

Ульяна Муратова

Воротиться нельзя влюбиться!

https://litres.ru/73302623
SelfPub; 2026

Аннотация

Мне очень повезло. Или не повезло, тут как посмотреть.

Я получила в подарок волшебное зеркальце и загадала желания, не веря, что они исполнятся. Лучше б сто раз подумала! А то желания-то исполнились, да только совсем иначе, чем ожидалось.

Однозначно не стоило загадывать сказочную жизнь, она в плане комфорта оказалась так себе. И точно не стоило приплетать принца на белом коне! Но кто мог подумать, что конь — алкоголик, а принц... Лучше бы тоже алкоголиком был, честное слово!

И что теперь с этим делать? А главное: как домой-то вернуться?

Содержание

Присказка	4
Сказ первый, о злодействе некоторых злодеек	13
Сказ второй, о злодействе некоторых незлодеек	27
Сказ третий, о нечисти	42
Сказ четвёртый, о внезапном коллективизме	64
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Ульяна Муратова
Воротиться нельзя влюбиться!

Присказка

– Не сдала? – язвительно спросила мама, упирая руки в бока.

– Не сдала, – раздосадованно признала я, снимая перчатки.

А ведь старалась открыть дверь так тихо, чтобы она не услышала. Но не с моим везением.

– Никто и не сомневался! – фыркнула мама, скривившись. – Выгонят – пойдёшь кассиршей горбатиться за копейки. Или на панель. Хотя на панель ещё неизвестно, возьмут тебя или нет! С твоей-то внешностью…

– Мам, хватит! Я ещё с комиссией могу попробовать пересдать! – я сердито швырнула перчатки на комод.

– Вот есть такие, что всю жизнь пробуют, а есть те, кто берёт и делает. Вот Сашенька на одни пятёрки учится. Не то, что ты! – оседлала мама любимого конька и поскакала сравнивать.

– Сашенька купила методичку за две тысячи, а я нет. Зна-

ешь почему? Потому что у Сашеньки две тысячи есть, а у меня нет! – разозлилась я.

– И что? Можно подумать, что без методички этой сдать нельзя! У кого мозги есть, те сдали, небось!

Градус скандала и громкость повышались с каждым словом.

– Не сдали те, кто не купил методичку! Хватит ко мне цепляться!

– Ой, посмотрите на неё, какая королева! – всплеснула мать руками и добавила ещё громче: – Учиться мы не можем, а огрызаться – пожалуйста! Небось нахамила ты этой преподше, потому и не сдала. Вечно ты промолчать не можешь!

– Интересно, в кого я такая, а? Ты-то у нас известная молчунья. Сейчас вон соседи припрутся узнать, чего это мы тут опять так тихо молчим, – съязвила я.

– В кого? Известно в кого! В отца своего непутёвого и родню его бестолковую! – взвилась мать.

Я развернулась на пятках и вылетела из квартиры, громко хлопнув дверью напоследок.

Внутри кипела обида.

А на улице, как назло – праздник. Ёлки, гирлянды, огни. И до Нового года осталось всего ничего, четыре часа. Я бездумно побрела по заснеженному тротуару среди спешащих домой людей.

Надо же было так влипнуть, а?.. И ведь действительно сама виновата, не молчалось мне. Когда историчка принесла

эти грешные методички по двенадцать листов в каждой и принялась продавать их по две тысячи, кто тянул меня за язык? Зачем я тогда взяла и вслух спросила:

– А кто не купит, тот не сдаст?

Историчка змеищей зашипела в ответ:

– А вы проверьте, Серебрякова!

Вот я и проверяла уже третий раз.

А ведь это зачёт, дающий допуск к основной сессии. И чем дольше я с ним тяну, тем меньше шансов сдать остальное в общем порядке. А сдавать индивидуально – пытка, даже не спишешь ничего.

Выйдя на площадь, я услышала нетрезвые весёлые голоса. Вокруг ёлочки, наряженной в неликвид с Алиэкспресса, водила хоровод основательно подошедшая к празднованию компания.

– Маленькой ёлочке холодно одной! – нетрезво голосили девушки.

– Вот принесли мы ёлочку домой! – пьяно откликались парни.

Ага, так всё и было.

Бедная рыбка вымокла в пруду, взяли мы рыбку на сковороду́.

Крошечной свинке холодно во сне, согрели мы свинку в пылающем огне.

Хорошо хоть домой сегодня можно не возвращаться. Женькины родители уехали на турбазу аж до третьего янва-

ря, так что праздновать решили у неё. Жаль только, что ничего из продуктов взять из дома не получилось, теперь придётся последние деньги потратить в магазине. Не с пустыми же руками идти.

– Ты чего закручинилась, девица? – меня вдруг окликнул дед в белом кафтане.

– Я не закручинилась. Это моё счастливое лицо, – буркнула я, стараясь обойти ряженого по широкой дуге.

Мало ли что он там уже успел принять на грудь.

– А прими подарок от меня, красна девица, – улыбнулся дед в усы.

Я даже глаза на него подняла. Хороший грим, брови как настоящие – белые и густые, а лицо не молодое, но и не старое, так что если он и дед, то очень бодрый.

– Спасибо, я от незнакомцев подарки не беру, – отрезала я, а потом немного устыдилась. Новый год всё-таки, мало ли, купил человек конфеты, нарядился и радует прохожих, а я тут огрызаюсь. – Спасибо большое за намерение.

– Ну уж нет, – Дед Мороз достал из кармана ручное зеркальце и почти насильно всучил мне. – Ты не думай, оно волшебное. Вот посмотришься в него, желание загадаешь, и сбудется оно непременно.

Зеркальце оказалось неожиданно тяжёлым. Не плохо отлитая пластиковая поделка с кривым отражением и облезающей краской, а толстое стекло с огранкой по краю и в добротной медной оправе, тёплой на ощупь. В кармане нагре-

лось, наверное.

– Спасибо, но… – неуверенно начала я.

– А ты попробуй, девица. Коли терять нечего, отчего бы не попробовать? – весело спросил Дед Мороз, подмигнул, развернулся и ушёл, практически сразу скрывшись за углом дома.

А я так и осталась стоять с зеркальцем в руке.

Ладно, не догонять же его? Кто-то на Новый год с друзьями ходит в баню, а этот гражданин дарит грустным девушкам красивые зеркала. Я повертела подарок в руках, а потом убрала в карман пуховика. Ручка, правда, торчала, но ничего страшного. Так дойду.

Только двинулась в сторону Жениного дома, как раздался телефонный звонок. Разглядев фото подруги на дисплее, я поспешила принять вызов.

– Алло! Что-нибудь конкретное надо купить? Хлеба? Шампанского? Я ещё успеваю в магазин, – прижала я телефон к уху.

– Марин, ты это… – раздалось в ответ. – Мы с Глебом помирились… В общем, ты только не обижайся, но ты не приходи, ладно? Я Оле и Наташе уже позвонила. Мы с Глебом просто это… вдвоём решили праздновать, – виновато закончила Женя.

Я замерла на полушаге.

– Что?

– Марин, ну ты только не обижайся, ладно? Извини! – ви-

новато проблеяла Женька. – С наступающим! Всего тебе!

Ясно.

Наверное, дело в том, что у Женьки я тоже методичку за две тысячи не купила. Или совсем мозги отшибло, раз она решила с этим мерзавцем мириться? Про этого её Глеба ничего хорошего не скажу. Да никто, кроме самого Глеба, про него ничего хорошего не скажет.

Кто бортует подруг ради штанов, тот пусть не удивляется, что к моменту, когда штаны уйдут, подруг не останется. А штаны обязательно уйдут, особенно если надеты на такого гулящего засранца, как Глеб.

Я, разумеется, хотела сказать всё, что думаю о таком поступке вообще и примирении с Глебом в частности, но стоило набрать морозного воздуха в лёгкие, как динамик обиженно пиликнул, и шуршание в трубке затихло. Посмотрела на телефон, а он сел. Зря надеялась, что до вечера дотянет, аккумулятор у него стал совсем ни к чёрту, особенно на холоде.

Заметив спешащего мимо мужчину, обратилась к нему:

– Извините, время не подскажете?

– Подскажу. Непростое нынче время, – хохотнул в ответ мужик, дождался моей ответной кислой улыбки и добавил: – Без двадцати девять.

– Спасибо! – поблагодарила я. – С наступающим.

– И вас! Смотрите только, чтоб на вас не наступило! – радостно закончил он и поторопился развлекать более благо-

дарную публику.

Ладно. Какой у нас план Б? Или В? Или хотя бы Ы?

Напрашиваться к кому-то за три с небольшим часа до боя курантов?

Да гори оно конём!

Развернувшись, я направилась обратно на площадь. Там весёлая компания обнаружила у себя лишние пальцы, то есть решила повзрывать петарды и фейерверки. Хоровод уже распался, а хороводоводы смеялись и передавали друг другу здоровенную флягу. С молоком и мёдом, наверное. Сейчас напьются и спать лягут.

Скорее всего, мама уже ушла. Ей до тёти Тани, Сашенькиной мамы, полчаса ходьбы, а она хотела быть там к девяти.

А я дома побуду. Да. Мандаринки есть, шампанское тоже. Послушаю по телевизору, что это был тяжёлый год, и тоже лягу спать. А завтра утром проснусь бодрая, свежая и сделаю зарядку. Обязательно сделаю. Я весь следующий год обязательно буду делать зарядку каждый день. Уж если решила, то решила. Не как в прошлые годы. К лету как раз похудею. А то что я вечно толстею к зиме, надо для разнообразия хоть раз к лету похудеть.

К счастью, мамы дома уже не было. Повезло. Я спокойно разделась и включила телевизор, где уже шёл парад достижений пластической хирургии, или, как его ещё почему-то называли, концерт звёзд эстрады. Звёзд, утративших популярность примерно тогда же, когда вышло из употребления

слово «эстрада».

В холодильнике обнаружились два мандарина-смертника, банан, решивший, судя по цвету, репатриироваться обратно в Африку, и останки некогда знаменитого режиссёра, Эмилио Полкурицы. Останкам было уже дней пять, поэтому выглядели они так, что их подобало кремировать, но мама настаивала на том, что их нужно доесть. Сама только почему-то не ела.

Холодильник был почти пуст, потому что мы обе не планировали встречать праздник дома, зато в морозилке имелся запас домашних пельменей, так что голодной не останусь. А ещё доем торт, потому что с завтрашнего дня я точно на диете, а он будет меня провоцировать.

Мама, разумеется, будет наезжать из-за торта тоже, но какая разница? Всё равно будет, так хоть повод сладкий.

Вспомнив про телефон, достала его из пуховика, чтобы поставить на зарядку. Заодно и зеркальце вынула из кармана. При свете оно оказалось очень красивым: тонкой работы оправа из ажурного металлического кружева. Наверняка новое и явно дорогое – ни царапинки, ни трещинки, ни окалинки.

Я взглянула на своё отражение.

Зря мама говорит, что меня бы на панель не взяли. Это в стриптизёрши толстых не берут, потому что они могут палку перегнуть. Вернее, шест. А в проститутки берут всех, кровати-то куда крепче.

Да и потом, на лицо я симпатичная. Правда, на то, что ниже лица, клюют обычно представители братских народов возрастом за сорок. Но клюют же. И пэрсиком зовут регулярно. Да и толстой меня никто, кроме матери, не называет. Плотной, сбитой, альтернативно стройной – да. Толстой – нет. А с первого января я буду тренироваться и на диету сяду. И зачёт сдам.

Внимательно рассмотрев своё отражение в зеркале, я взяла и пожелала:

– Хочу жизни сказочной, желательно подальше отсюда, любви огромной и принца на белом коне, умного, богатого и красивого. А, ну и похудеть.

После этих слов зеркальце вдруг засияло магическим светом, взвилось под потолок и открыло портал в прекрасную новую жизнь…

Ага, как же.

Ничего не произошло. Вообще ничего.

Убрав зеркальце в шкаф, я налила себе горячего чая, положила на блюдечко кусок торта и стала щёлкать пультом, переключая каналы. Везде одни и те же лица! Ну сколько можно, а?

Завернулась в плед, пригрелась на диване и случайно задремала, так и не дождавшись боя курантов.

Ох, знала бы я, чем дело обернётся!

Сказ первый, о злодействе некоторых злодеек

Я – фольклорный элемент,
У меня есть документ.
Я вообще могу отседа
Улететь в любой момент! [*]

– Девка! А, девка! Просыпайся! – настаивал звонкий девичий голос.

Голова напоминала чугунок, по которому кто-то треснул лопатой. Внутри противно гудело. Во рту пересохло, а ещё ныло плечо – кажется, я его отлежала.

С трудом разлепив веки, я обнаружила себя то ли в просторном гробу, то ли в деревянной нише, одну сторону которой закрывали вышитые крестиком занавески. Шокированно огляделась, но зрение пока оставалось мутным, да и света не хватало. За занавеской раздался скрип. Неловким движением я коснулась вышитой ткани и потянула в сторону.

За занавеской оказалось зеркало, отражение смотрело на меня внимательно и улыбалось. Я аж икнула от неожиданности, потому что сама-то точно не улыбалась. Нет, это не зеркало. Просто в проёме хихикает… моя точная копия? Сестра-близняшка?

– Вы кто? – выдохнула я.

– Кощей в пальто! – ответила она и заливисто засмеялась задорным, живым смехом.

Ну хоть голоса у нас отличаются!

Я поняла, что веселящаяся копия стоит на лестнице, за её спиной – типичная русская изба, а я лежу на печи, укрытая лоскутным одеялом.

Вдруг лицо незнакомки стало меняться, будто с него начала сползать личина. Кожа покрылась морщинами и пигментными пятнами, брови срослись на переносице, а губы ссохлись, обрамляя рытвину рта. Ровные белые зубы сначала немного потемнели, а потом некоторые и вовсе исчезли, оставив торчать из дёсен десяток стёсанных пеньков. Густые русые волосы поредели, клоками поседели, а клоками – потемнели, выдавая в хозяйке некогда жгучую брюнетку. Чуть курносый нос с россыпью конопушек увеличился, опух, обзавёлся тремя волосатыми бородавками и кустами в ноздрях. Ярко-зелёные глаза поблекли, выцвели и стали неопределённо-серыми, скорее мутными, чем имеющими хоть какой-то цвет.

Передо мной стояла гнусно улыбающаяся старуха, довольная донельзя.

Вот это сон! Всё так реалистично! Особенно – ощущения.

– Вылазь давай, коли хочешь уразуметь, где тут яды, а где ягоды, – голос незнакомки тоже изменился, стал противным и скрипучим.

Она спустилась с лестницы, приставленной к печи, и поманила жестом. Я слезла с полатей и огляделась.

Обстановка вокруг – совершенно незнакомая. Небольшая комната, вся уставленная стеллажами, шкафами и завешенная полками. Помимо них – только стол, колченогий табурет и половик, видавший всякое. Причём всякое исключительно грязное и дурно пахнущее.

И вот что интересно, сон и не думал становиться эфемерным или заканчиваться. Напротив, с каждой секундой он словно набирал силу, наливался реалистичностью и подробностями.

Например, пахло в комнатушке травами и какой-то тухлятиной. Босые стопы неприятно колол жёсткий соломенный половик, а по ногам тянуло холодом из-под перекособоченной двери. Я удивлённо осмотрела себя – на мне красовался традиционный русский народный сарафан, надетый поверх рубахи с широкими рукавами.

– Здравствуйте! А вы кто? И где я?

– Ты в Явомирье. Добро, как грится, пожаловать! – весело оскалилась старуха.

– Это где? – я лихорадочно попыталась припомнить, слышала ли такое название раньше, и не смогла.

– У Кощея в бороде!

Что за ерунда? И ведь всё вокруг такое реальное – я даже ущипнула себя за руку, чтобы убедиться, что не сплю. Ойкнув, потёрла отдающее болью место. По всему выходило, что

это не сон. А что тогда? И чем объяснить сползающую с бабки личину, если не сном?

Или всё, приехали, Марина? В Новый год – с новыми психическими расстройствами и галлюцинациями?

– Уважаемая… – я сделала паузу, ожидая, что старуха подскажет, как к ней обращаться, но напрасно время потратила, пришлось продолжать: – Могли бы вы объяснить, где я и что происходит?

Но старуха ничего объяснять не собиралась, только радостно улыбалась в ответ. Я бы даже сказала, лыбилась.

– С голосом чутка не угадала, а так – ну чисто в наливное яблочко, – умилилась собеседница. – Ты энто, не серчай больно-то на меня. Я месяца через три вернусь. Али через четыре. Шама понимаешь, такие краесроки – кикиморам на смех.

– Что? Какие краесроки? О чём вообще речь?

– Ай, да разберёсси. Али не разберёсси. Твоя беда. Жрать захочешь – вон в том шкафу бери. В энтом – яды всякие, отравы да зелья вредоносные. Шама не пей, другим давай. Одёжки в шкафе. Место отхожее за домом, по тропинке найдёшь. В деревню лучше пока не ходи, – прошамкала она, – да и вообще не ходи, спросють с тебя.

– Что спросят? – нахмурилась я, чуя, что весь этот ликбез ничем хорошим для меня не кончится.

– А я чё? – невинно захлопала глазами старуха. – Я ничё! Сидела б ты в своём Навомирье, кто ж тебе виноват-то? А я,

коли хочешь знать, тебя не звала. Двойника себе сотворить пыталася. А уж коли счастье-то шамо в руки плывёт, то кто ж откажется-то от него, а? А? Вот и я об том толкую, что никто. А у меня краесроки горят! Ну всё, бывай, девка, как там тебя…

– Марина, – машинально подсказала я.

– Ой, страсти-то какие! Прям бяда, а не имечко! – бабка театрально прижала сухую ладонь со скрюченными артритом пальцами к груди. – Ажно прям до потрохов пробрало. Ты уж зовись Маруськой, коли не хочешь лишних бед, а то достанется ещё и от Марены, – последнее слово старуха прошептала так тихо, словно нас могли услышать.

– А кто такая Марена? – спросила я, но в ответ говорящая загадками бабка только руками замахала.

– Ой всё! Молчи уж, малахольная! – опасливо осмотрелась старуха. – Ну, бывай, удачи тебе, как грится, здоровьечка крепкого да жениха бохатого!

Она осенила меня благословляющим жестом, с недюжинной силой рывком достала из ближнего к выходу шкафа массивную ступу и ловко в неё забралась, мелькнув скрюченной сухой ногой. Подхватила подмышку подозрительно звякнувший богато украшенный ларь, распахнула скрипучую дверь, обернулась на меня и добавила:

– Ты энто, сильно-то не серчай. Я как ворочусь, чем-нить тебя одарю. Коли доживёшь!

И с этими словами бабка уцепила приставленную к кося-

ку метлу, махнула ею перед моим носом, а потом взяла и вылетела вон.

Вылетела. По воздуху. В ступе. В ступе, управляемой метлой. Я даже успела заметить, что её древко сделано из неровного тонкого ствола, а прутья прикручены старой, позеленевшей проволокой.

Я в шоке и мой шок в шоке.

Оторопело посмотрела ведьме – а это, очевидно, была ведьма – вслед. Но долго так простоять не смогла: за порогом лютовала зима, ноги мгновенно озябли, и я даже сквозь шок почувствовала холод.

Захлопнув дверь, невольно заозиралась, а потом принялась осматриваться в поисках одежды и обуви. В маленьком домике явно кто-то поколдовал – шкафов было столько, что я устала открывать дверцы. И, главное, смотришь с двух шагов – вроде один шкаф. А стоит дверку открыть, в нём ещё десяток, вложенных друг в друга, как матрёшки.

Пока нашла вещевой сундук, запыхалась. Откинула массивную крышку с коваными уголками и заглянула внутрь. А там ларь. Открыла ларь, а в нём мешок. Развязала его, а внутри – три кокошника и две пары лаптей. Всё самое нужное.

– Да что за чертовщина такая?! – возмущённо пробормотала я и вернулась из шкафного пространства обратно в комнатку.

Осмотрелась.

Белёная печка, внутри которой потрескивает огонь. Тёплая и древняя. Над ней – постель на полатях, забраться на которую можно только по лестнице. Остальное пространство закрыто полками с банками сушёных трав, ягод и кореньев. На округлых стеклянных боках – этикетки. Очанка лекарственная, лапчатка белая, зимолюбка зонтичная, аир болотный, ятрышник пятнистый, боровая матка, молочай, нечуй-ветер, расковник, прострел. Это вообще что за названия? Из всего перечисленного мне известен только молочай.

У окна – большой, добротный рабочий стол. Столешница каменная, отшлифованная до блеска, а ножки – из брусьев. Над окном – куча полок с книгами в кожаных переплётах, почерневшими то ли от времени, то ли от жизни рядом с ведьмой. В ящиках поблизости – баночки, скляночки, лопаточки, ложечки, ступочки. Настоящая алхимическая лаборатория.

В общем-то, это вся обстановка. Комната квадратная. По одной стене – печка и банки с сушёными растениями. По другой – окно, стол, книги и дверь. По третьей – шкафы. По четвёртой – стеллажи. Подошла к ним поближе и чуть не заорала в голос.

Куски рогов, склянки с какой-то болотной жижей, сушёные мыши, сосуды с кровью, плавающие в банках глаза и уши… А одна из полок с застекленной дверцей занята клетками с запертыми в них живыми зверьками и птичками. Кошмар! Кунсткамера настоящая! И главное – ни звука. Ви-

димо, чары какие-то… Стоило повернуть торчащий в дверце ключик и приоткрыть её, как комнатка наполнилась чириканьем, шуршанием и тонким жалобным писком.

– Да что ж такое-то?.. – в ужасе посмотрела я на птичку в маленькой клетке.

– Выпусти нас, красна девица! – взмолилась птаха человеческим голосом.

Было б у меня что в руках – точно выронила бы.

– Я-то выпущу, но там зима, – указала я за окно.

– Выпусти, милая, сердце в неволюшке скорбит да ноет…

– Выпусти! – поддакнули мышки из банки с перфорированной крышкой.

И посмотрели на меня жалостливыми глазками-бусинками.

– На улицу? – уточнила я.

– На волюшку ясную, – пропищали мышки.

В общем, я не выдержала и достала банку и клетку с полки. Кроме мышек, говорливой птахи и флегматичного ужика в коробке, в которую я заглянула с опаской, нашлись ещё спящие летучие мыши и две жирные жабы в террариуме. Их я трогать не стала – одни в спячке, другие зимой на воле не выживут.

– Вы только это… бегите в лес куда-нибудь, ладно? – неуверенно обратилась я к мышкам.

– Да куда ж мы в снег-то? Пощади, голубушка! – запричитали они, а я поняла, что со своей спасательной миссией

влипла конкретно.

Замерла в ступоре, ошарашенная внезапным жизненным поворотом. Видимо, придётся теперь жить среди жаб и мышей. Не то чтобы это прям сильно отличается от учёбы в нашем институте, там историческая (или, как её ещё оригинально называют, истерическая) кафедра – по сути, террариум и есть, и обитают в нём отнюдь не ужики. Но всё же…

Кстати, об ужиках. Оказалось, змееныш как-то выбрался из приоткрытой коробки, оплёл моё запястье и пригрелся. Я как заметила – хотела заорать, но было уже поздно панику поднимать… Вот бывают обыкновенные ужи, а этот, видимо, компанейский.

В общем, я решила, что сходить с ума нужно с достоинством – открыла банку с мышами и решила с ними побеседовать. А чем ещё заниматься первого января? Белочку-то не выдали.

Осторожно высадила трёх грызунов на стол, а птаху достала из клетки и усадила на дверцу шкафа.

– Спасибо, благодетельница наша! – трогательно запищали мышки.

– Спасительница! – чирикнула птичка и нахохлилась.

– Меня Мар…уся зовут, – представилась я. – И я была бы очень признательна, если б вы мне рассказали, где мы и что происходит.

Пока что версию стремительного развития у меня шизофрении я рассматривала как рабочую, но не единственную.

– Три дня назад принялась Яга ворожить… – прощебетала птаха. – Да только ничего мы не разобрали, что она себе под нос бормотала-то. А потом – бах! – и ты явилась прям средь комнаты. Удивилася Яга, знамо, сильнёхонько. В сарафан тебя обрядила, на печку отволокла да заколдовала. Три дня и три ночи ты спала…

– И никакой добрый молодец надо мной не надругался? – на всякий случай уточнила я.

– Какой же он добрый, ежели над спящей надругался бы? – резонно заметила пернатая собеседница.

– Ну там, целовать спящую не полез?

– Так ты ж не царевна! Да и спрятала тебя Яга, никто и не видал, – заверили мышки.

Ладно. Я прислушалась к ощущениям: вроде ничего нигде не болело и не тянуло, смутило только одно. Заглянула под подол – и правда. Трусов на мне не было.

Просто потрясающе! В новый год – без старых долгов, а в новую реальность – без старых трусов!

– И что теперь делать? – вслух подумала я.

– Для начала поесть, – подсказали мышки.

– Зерна поклевать, – чирикнула птичка.

Ужик на руке ничего не сказал, но я как-то почувствовала, что он тоже не против потрапезничать. А что ему предложить? Не мышку же…

Вообще, обед – дело хорошее. Выходит, я три дня не ела? То-то самочувствие не очень. Неужели сегодня четвёртое ян-

варя? Нет, ну что ж такое? Никак у меня не получается с первого января начать зарядку делать по утрам. Неужто снова год придётся ждать до следующей попытки?

Залезла в провизионный шкаф, как я его про себя назвала, и там меня ждало настоящее изобилие. Икра красная, икра чёрная, икра заморская, мелкая. Лягушачья? Сыры, сочные ломти ветчины, горшок с наваристыми щами, чугунок со сладкой кашей, калачи, пряники, вареники… Всего и не перечислишь. По одной стороне скромно несла караул батарея из различных наливок: и смородиновая, и вишнёвая, и рябиновая. При виде такого изобилия невольно растеряешься. Вот и я сначала замерла в неуверенности, но потом решила не интересничать и начать с чёрной икры. Исключительно потому, что витаминов в ней много.

Отрезала себе ломоть хлеба, намазала маслом, наложила сверху икры и вгрызлась в получившийся бутерброд. Вкуснотища!

Пока жевала, мышкам и птичке на блюдечко насыпала зерна, а ужик икоркой не побрезговал. Не слишком ли для него солёное? Нашла кусочек сырой рыбы и дала. Съел. Вот и прекрасно.

Утолив голод, решила утолить и желание ходить обутой, а то половик колол ноги, а дощатый пол не вызывал доверия. Наверняка меня на нём уже поджидает какая-то особо неприятная заноза.

– Так, вы пока давайте рассказывайте, как у вас тут дела

обстоят… – попросила я недавних пленников. – И зачем Яга вас в клетках держала.

– Как зачем? Зелья варить. С меня – перья и клюв, а их – целиком… – прощебетала птичка, садясь мне на плечо.

– Кстати, вот что. Я понимаю, что у птиц и грызунов физиология отличается от человеческой, но настоятельно рекомендую нужду справлять на улице, – сурово посмотрела я на своих подопечных. – Что б никаких мне сюрпризов на спине или на столе. Понятно?

– Понятно! – хором воскликнули они, а я принялась рыться в вещевом шкафу.

Вот сейчас обуюсь и подумаю, как меня нелёгкая к нечистой занесла.

Сапоги не нашла, зато отыскала шикарные вязаные носки, а вернее даже гольфы. Натянула и уселась на табуретку.

Думать.

Итак, что мы имеем?

Вариант первый: я сошла с ума и ловлю весёлые тематические глюки в заведении с мягкими стенами и невозмутимым персоналом.

Вариант второй: желание, которое я загадала зеркальцу, сбылось. Чего я там захотела? Сказочной жизни подальше от дома? Огромной любви с принцем на белом коне? Похудеть?

Нет, вот последнее явно не исполнится, с икоркой-то. И калач чудо как хорош, у него даже запах не диетический.

И как теперь из этой передряги выбираться? Баба Яга яв-

но какую-то гадость устроила, к гадалке не ходи. Но куда я среди зимы в одних носках и кокошнике? Да даже в трёх кокошниках и лаптях далеко не убежишь!

Что же делать?

Однако проблема среднесрочного планирования внезапно решилась сама собой.

Дверь распахнулась, внутрь влетел вихрь снежинок, и в небольшое помещение без спроса ввалился здоровенный мужик. Ростом два метра, с шальными налитыми кровью глазами, бородатой бандитской рожей, в распахнутом зипуне и в компании сшибающего с ног перегара.

– Ну? – проревел амбал, угрожающе глядя на меня.

Традиционный для таких случаев ответ «баранки гну» застрял в горле и побоялся вырваться наружу.

– Здравствуйте! Вы, собственно, по какому вопросу? – помышиному пропищала я, отчаянно сожалея об отсутствии под рукой топора.

К печи была прислонена кочерга, но такого с ног одной кочергой не свалишь. У него же на роже написано, что пытались и неоднократно. Разбойничьего вида амбал захлопнул за собой дверь и шагнул ко мне, теперь нас разделяли лишь три шага пространства и колченогая табуретка.

– Зелье где? – рявкнул он, буравя меня чугунным взглядом.

Ещё одна достойная ответная рифма так и не увидела света.

– Послушайте, господин…

– Слышь, Яга, – перебил он, зло сощурившись. – Я на твои уловки не ведусь. Думаешь, проведёшь меня личиной красной девицы? Хороша личина, горяча, спорить не буду. Но уж я-то прекрасно знаю каргу, что под нею прячется! – пророкотал он.

Убеждать его, что красна девица настоящая, как-то разом расхотелось. Сразу подумалось, что разъярённый разбойник моей беззащитностью воспользоваться не побрезгует.

– Видите ли…

Перебив, амбал прогремел так, что зазвенели и банки на полках, и тонкие струны моей души:

– Хватит мне голову морочить! Деньги уплóчены! Сроку у тебя было два дня. Зелье давай!

– Нет уж, вы послушайте…

– А не то прибью… – тихо проговорил он, и даже мышам стало понятно, что он не шутит.

Я на секунду замерла, осознавая своё положение, а потом сделала глубокий вдох, решаясь на полнейшее сумасбродство.

[*] Здесь и далее эпиграфы из потрясающей поэмы Леонида Филатова "Про Федота-стрельца, удалого молодца".

Сказ второй, о злодействе некоторых незлодеек

Спробуй заячий помёт!
Он – ядрёный! Он проймёт!
И куды целебней мёду,
Хоть по вкусу и не мёд.
Он на вкус хотя и крут,
И с него, бывает, мрут,
Но какие выживают —
Те до старости живут!..

В голове промелькнули самые разные варианты: под вишнёвую наливочку попытаться втолковать нежеланному визитёру, что я не Яга и понятия не имею, кто и что ему обещал; забиться на печку, задёрнуть занавески с громким криком «чур я в домике!» и надеяться, что амбал меня не найдёт; ловкой куницей скользнуть под стол, из-под него – к двери, а оттуда на волю, умереть пусть в носках и без кокошника, зато свободным человеком; жахнуть незваного гостя по голове табуреткой, а когда он отключится, сжечь избу вместе со всем содержимым, включая жаб.

Но договороспособным амбал не выглядел, провалами в

памяти, судя по всему, не страдал, в лесу наверняка смог бы отличить мои следы от заячьих, а такую чугунную голову одной табуреткой не возьмёшь. Да и жаб жалко… Это ж сказка, может, они вообще царевны.

Так что оставался только один вариант.

– Зелье! Что же вы сразу не сказали! – пожурила я амбала. – Разработанный персонально для вас рецепт уже готов, только вас и ждала, чтобы начать.

Амбал нахмурился и с подозрением на меня посмотрел:

– А чёй-то ты со мной на «вы», а?

– Прониклась, – честно ответила я. – Смотрю, мужчина такой видный, импозантный, уважаемый, ну разве можно такому тыкать? Вы уж меня простите, старуху, иной раз ум за разум как зайдёт, шама не понимаю, что несу, – всплеснула руками я, подражая речи бабы Яги. – А уж с памятью моей что стало! Вот мы с вами намедни встречались и договаривались, а я уж и не помню ничего…

– Не помнишь, что за зелье надобно? – посуровел размякший было амбал. – Чтоб я принял, да прошла сразу немочь ненавистная!

– Нет, про зелье помню, – на всякий случай заверила я. – Остальное – нет. Ну знаете, как это бывает. Тут помню, тут не помню. А вы садитесь, – указала я на колченогий табурет. – Сейчас прямо при вас и сделаю зелье, чтоб, значит, свеженькое было.

Амбал повеселел. И то верно, свеженькое все любят.

– Ты ток смотри, Яга! Ежели обманешь, я тебя Кощеичу сдам. И нехай он косточки твои старые в кипящем маслице погреет, – кровожадно улыбнулся амбал, садясь на табуретку.

Вот есть у меня такая удивительная особенность: терпеть не могу, когда мне угрожают.

Странно, правда?

– Да что вы, в самом деле… Поможет зелье, рецепт уникальный, специально для вас разработала. Только надобно прядку волос ваших, чтоб, значится, совсем индивидуальное действие волшба заимела, – елейным голосом проговорила я, ухватила амбала за бороду, а потом резко дёрнула.

Десяток неровных чёрных волос остался в кулаке, а амбал кхекнул, крякнул и посмотрел недобро, но ругаться не стал.

Я оглядела стол, взяла подходящую по размеру чашу и положила в неё волосы. Затем приоткрыла заслонку печи, длинными коваными щипцами уцепила из пышущего жаром нутра уголёк и кинула на волосы. Они задымили, воняя на всю избу.

Зря вы мне грозили, уважаемый, аж целых два раза. Будете теперь жрать уголь и палёные волосы. Растолкла пестиком результат и подумала, что этого как-то маловато. Чтоб не скучно было, ещё корня молочая туда добавила. И родиолу розовую, и аралию, и вереска, и розмарина, и дягиля, и левзеи. Брала с полок то, что под руку попадалось, и щепотками сыпала в чашу. Для дорого гостя чужого добра не жалко!

Но суховато…

Подошла к шкафу, из первой попавшейся банки зачерпнула непонятной жижи, по виду болотной, и хорошенько всё перемешала. Чудесное снадобье, запах прям лекарственный. Сразу чувствуется: мёртвого на ноги подымет.

– Ты это, долго возиться будешь, старая? – недовольно пробурчал амбал, а я лишь ласково улыбнулась в ответ.

– Что вы, я уже почти закончила.

– Ежели не поможет, сгною тебя, карга! – исподлобья посмотрел он.

Ну всё, третий раз точно был лишним! Открыв банку, в которой жили мыши, я щедро зачерпнула из неё помёта и хорошенько его растолкла в чаше. Вот теперь точно зелье волшебное. Плеснула туда какой-то жёлтой пакости из здоровенной неподписанной бутыли и размешала. Что это? Ослиная моча? Настойка на навозе? Выдохшееся пиво?

Пусть сюрприз будет!

Заказчик недоверчиво повёл носом и втянул широкими ноздрями запашок выздоровления.

– Чёт дрянь какая-то по виду… – настороженно пробормотал он.

Я занесла над чашей руку, сощурила глаза, загадочно пошевелила пальцами и мрачным таинственным голосом завыла:

– Трали-вали, объявим шухер, это зелье просто супер! Супер-зелье, трали-вали, вы о лучшем не мечтали!

Неожиданно с пальцев сорвались две робкие искорки и упали в чашу. Зелье забулькало и обрело выразительный болотный цвет. Упс! Но не отступать же теперь? Зато амбал впечатлился и смотрел теперь уважительно.

– Надо ж… правду молва-то несла… Не утратила ты силушку-то!.. – завороженно проговорил он.

– Не утратила, – гордо заявила я, не меньше него впечатлённая собственными талантами. – Так что подумайте следующий раз, прежде чем грозиться.

– И что, вернётся свист-то? – с такой надеждой посмотрел на меня амбал, что даже немножко жалко его стало.

Зато я наконец сообразила, что он за разбойник.

Перелила зелье в бутылёк с широким горлышком и передала грозному заказчику.

– Слушайте внимательно, это очень важно! – сурово сдвинула брови я и одну руку упёрла в бок. – Принимать по глоточку один раз в день, утром натощак. – Разум услужливо подсказал нужное слово, и я продолжила: – Седмицу целую. Только пуще всего важно молчать! Молчать, ни слова не говорить. Понятно?

– Что, вообще ни слова? – раздосадованно переспросил визитёр.

– Ни звука. Надо дать отдохнуть голосовым связкам. И вообще – соблюдать постельный режим. Это тоже важно. Седмицу лежать, молчать, из дома не выходить. Понятно?

Я надеялась, что амбал не станет спрашивать, какая связь

между свистом и голосовыми связками, и он, молодец такой, не разочаровал.

– Да, – кивнул разбойник, низко опустив кучерявую чёрную голову.

– На осьмой день свист и вернётся. Но только если соблюдать будете врачебные рекомендации. В противном случае никаких гарантий!

Сделав максимально строгое лицо, я всем своим видом продемонстрировала заказчику отсутствие гарантий. Он внял. Забрал бутылёк, благодарно кивнул и поднялся. Уже у выхода обернулся и проговорил:

– Ты когда объявилась в новом облике-то… Я ж сразу поверил-то, что ворожба твоя при тебе осталася. Нехай кикиморы по болотам и дальше ноют, что волшбы больше нет. Всем скажу, что Яга колдует, как раньше!

– А вот этого не надо, уважаемый, – поспешила его остановить я. – У меня и так работы полно. Краесроки горят и всё такое.

– Твоя правда! Уж заказов-то ты набрала видимо-невидимо. Я уж грешным делом подумал, что сподличать решила, обмануть честной люд… Ан нет!

Так вот оно что! Баба Яга насобирала предоплат да и свинтила подальше. Хотела вместо себя двойника наколдовать, а тут я подвернулась. Ясен-красен, старая карга не растерялась, напялила на себя мою личину и пошла разбойников дурить. А меня вместо себя оставила. Видимо, чтобы погоню

за ней не отрядили или хотя бы отрядили не сразу.

Ушлая ведьма!

– Вы голосовые связки-то поберегите! – пальцем пригрозила я свистуну. – Вообще, вам седмицу молчать, лучше прямо сейчас начните.

– Благодарствую, матушка Яга, но я с завтрего начну.

Когда он ушёл, я осела на табуретку и выдохнула.

Стоило двери захлопнуться, как из щелей повылезали мыши, а из шкафа выпорхнула птаха.

– Ой, и смелая ты, благодетельница! – запищали они. – Но что ж будет, когда он воротится?

– Вот когда воротится, тогда и будем об этом думать, – вздохнула я. – За неделю у него свист может сам восстановиться. Как говорится, если лечить простуду, она пройдёт через неделю, а если не лечить, то через семь дней.

Грызуны посмотрели на меня с восхищённым обожанием. Я даже немного зарделась. Обожать меня – это занятие хорошее, правильное, жаль, что только мышами практикуемое.

Ладно. Для начала попробуем приодеться. Разбор шкафов я ещё не закончила, а без трусов как-то неуютно, особенно когда в гости заглядывают свистуны-разбойники с недобрыми намерениями. Пожалуй, в подставе бабы Яги был один несомненный плюс: вряд ли кто-то решится меня изнасиловать. Или, вернее, снасильничать на местный манер. На фоне остальных новостей эту можно считать хорошей. Интересно, много где она успела моим лицом помелькать за три дня? И

какие ещё сделки провернула? Не от всех же клиентов мне удастся избавиться так изящно, как от амбала.

Что же делать? Бежать?

Приступив к инвентаризации, я с удивлением обнаружила, что один из шкафов оказался заперт. Кажется, в нём Яга хранила самые редкие и дорогие ингредиенты. Вот и славно. А я в фальшивых зельях обойдусь и пустырником с валерьянкою, глядишь, гнев заказчиков они поумерят.

Наконец удача мне улыбнулась. Я нашла шкаф, в котором стоял ларь, в нём рундук, в нём сундук, а в сундуке лежали сарафаны, длинные рубахи с вышивкой по горловине и рукавам. Кажется, они называются сорочицами. А подобие балахона с прорезями для рук и «псевдорукавами», ниспадающими по бокам – это вроде бы ферязь. Зря мне историчка зачёт не поставила, какие-то знания в голове болтыхались, бились о стенки пустой черепной коробки.

Нашлись в других сундуках и валенки, и сафьяновые сапоги, и юбки, и платки, и меховые митенки, и варежки, и даже бархатная телогрейка-душегубка. В смысле душегрейка.

Не нашлось только трусов. Да что там трусов, даже панталончиков не нашлось! Зато нашлись шерстяные чулки, которые на меня, к сожалению, не налезли. И обнаружились отрезы различных тканей, в основном ярких. Красных, синих, зелёных.

Одевшись потеплее, я наконец выбралась на улицу. Снаружи уже вечерело. Насколько хватало взгляда, вокруг – ни

души. Избушка стояла на полянке, что, судя по плетню, летом использовалась в качестве огорода. Рядом – практически пустая дровница, какой-то маленький сруб, а вдалеке – деревянный нужник в лучших традициях сельской местности. Припорошённый снегом и обещающий щипать зад морозами, а нос – миазмами. Вот какой смысл быть всесильной колдуньей, если в туалет приходится бегать в метель или под проливным дождём? Или это меня так избаловала цивилизация? Читала я как-то мемуары Екатерины Великой и могу сказать, что в двадцать первом веке среднестатистическая женщина живёт куда лучше, чем в восемнадцатом жила царица.

Но это в нашем удобном мире с вайфаем, работающем в тёплом туалете. А сказочная жизнь пока особо не балует. Вот честно, лучше без икры обойтись, чем зад морозить.

Ознакомившись с удобствами, а вернее, неудобствами, я обошла избушку по кругу, осмотрелась и приуныла. Конкретно так приуныла.

Проблемы имелось сразу три.

Первая: злопыхатели и недовольные заказчики бабы Яги прекрасно знали, где я нахожусь, а сама я не знала ни черта. То есть меня мог найти кто угодно, я же сама не могла ничего.

Вторая: не понятно, в какую сторону идти, если вдруг захочется свалить отсюда? Где ближайшая деревня? Где заканчивается лес?

Третья: спасение из сказочной жизни могло существовать, но искать его наверняка нужно вне пределов избушки, иначе ведьма меня бы в ней не оставила. Возвращаемся ко второй проблеме. Но даже если каким-то образом эту проблему решить, не факт, что хоть кто-то захочет мне помочь. Да и к кому идти? К Василисе Премудрой?

А ведь свистун-разбойник даже следов не оставил!

Коварство Яги заиграло похоронным маршем. Получается, что я не просто буду за неё отдуваться, а никуда от этой участи не денусь. Придётся водить за нос её заказчиков, а то и огребать за чужие грехи. А от свистуна как отделаться? Вот вернётся он через неделю без свиста, злющий и с глазами навыкате от передозировки мышиного помёта. Что он со мной сделает? Уж точно по головке не погладит.

Страшно-то как!

Я аж руками себя обхватила от ужаса. И чего мне дома не сиделось! Жизни сказочной захотелось? Лучше б пошла листовки раздавать, глядишь, на методичку и накопила бы.

Избушка, кстати, оказалась не на курьих ножках, а на двух странных сваях. Издалека похоже, конечно, да и не очень понятно, чем продиктовано именно такое конструктивное решение. Может, тут болото? Или паводки по весне? Так или иначе, ничего пугающего – избушка как избушка. Маленькая, конечно, но уж лучше в ней ночевать, чем в сугробе.

Веником отряхнула с валенок снег на крыльце и зашла внутрь.

А ведь прохладно стало. И сеней нет. Вьюга – сразу в дом. Хотя на печке спать точно не холодно, главное – не забывать её топить. Пришлось вернуться в стужу, набрать дров и закинуть в горячее нутро. И вовремя! Ещё немного, и потухли бы последние угольки.

Зато пока пристраивала в угол валенки, обнаружила на двери самый настоящий засов. И почему раньше не обратила на него внимания? Он сливался с одной из деревянных перемычек и не бросался в глаза.

Заперлась, и на душе сразу стало спокойнее.

Когда на улице окончательно стемнело, я вдруг поняла, что понятия не имею, чем освещать помещение. Ни лучинки, ни свечки, ни лампы керосиновой.

– Так, мышки, а ну рассказывайте, как тут свет зажечь?

– А зачем? – сонно пропищали они из-под шкафа. – Ежели стемнело, ложись да спи.

– Так зимой большую часть суток темно!

– Так ты большую часть суток спи, кто тебе мешает? – резонно спросили мышки.

Убойная логика.

Зимний вечер стремительно сменился ночью, а молодой месяц хоть и давал свет, но совсем сумрачный. Среди белых сугробов ещё можно было ориентироваться, а в избушке с маленьким окошком – едва ли. Только светилась полукругом небольшая щель над печной заслонкой.

Ладно, раз стемнело, то настало время ужина.

Шкаф с провизией нашла на ощупь. Калач под руку сразу попался, остальное пришлось поискать. Что-то звякнуло, брякнуло и звенькнуло внутри, и я нащупала ветчину. В шкафу, кстати, было очень даже прохладно. Вероятно, поддувало с улицы.

Вообще, на ночь есть, конечно, вредно. Но жизнь и без того тяжёлая, а если весь день не спать да всю ночь не жрать, то и вовсе непереносимой становится.

Утолив стрессовый голод, я в кромешной темноте на ощупь дошла до печки и взобралась на полати. Попробовала улечься, но в бок постоянно что-то упиралось.

Ворочалась и так и эдак, но под тонким матрасом вечно что-то мешало, да и настроение было откровенно паршивым. Ничего хорошего жизнь в Ягиных лаптях не предвещала, но альтернатива пока не вырисовывалась.

– Да что ж такое! – взвилась я по прошествии нескольких часов, измученная и неудобной постелью, и переживаниями.

– Да не говори! Бесит уже! – раздался в ответ возмущённый мужской голос.

От неожиданности я аж подпрыгнула, как кошка при виде огурца, и ударилась спиной о деревянный потолок.

– Кто здесь?!

– Дура дурацкая, одна штука, – язвительно отозвался голос.

– А вы кто?

– А я просто радо, что ты не стала спорить с тем, что ты

дура, – хмыкнул голос.

– А вы, получается, любитель с дурами поболтать? – фыркнула я.

– А что мне остаётся, если умных не выдали?

– Так кто вы?

Голос шёл откуда-то снизу. Из печки? Из-под полатей?

– Неужто не догадаешься? Хотя странно было б, если б догадалася. Ума не палата и даже не чулан, – хмыкнул незримый собеседник.

– Любите хамить, да?

– Сковорода! – ответил голос, и тут-то я его и нащупала.

Извлекла из-под тонкой перины то самое зеркальце, что мне подарил Дед Мороз.

– Ага! – обрадовалась я.

– Хорошо ли тебе, девица, хорошо ли тебе, красная? – вдруг ласково спросило оно.

Вспомнив сказку «Морозко», я на всякий случай ответила:

– Хорошо…

– Конечно, хорошо. Хорошо быть тупой! – глумливо ответило зеркальце обычным тоном и радостно загыкало.

Вот хамло!

– Знаете, я, пожалуй, загадаю ещё одно желание, – не стала поддаваться я на провокацию.

– Ага, удачи! Спешу и разбиваюсь исполнять! – съехидничало оно.

– Зеркальце! Верни меня обратно домой, в мою привычную жизнь! – громко пожелала я.

И… ничего не произошло.

Естественно. В прошлый раз я уснула дома и проснулась здесь, а теперь усну здесь и проснусь дома. Вот и прекрасно! Я аж пискнула от радости.

Вредная волшебная диковина молчала, и я снова решила лечь спать. Зеркальце прижала к груди на всякий случай, чтоб не потерять. И даже уснула умиротворённо, довольная и счастливая, что всё это безобразие наконец закончится.

Всё-таки не верилось мне в реальность происходящего.

Разбудил меня стук. Не просто стук, а разъярённое грохотание. Продрав глаза, я спросонья не поняла, что происходит. За окном занимались сизые зимние сумерки, и в избушке было ещё темно, но очертания предметов уже можно было различить.

– Открывай, Яга! – прорычали снаружи.

Дверь ходуном ходила под напором незваного гостя, а я испуганно замерла на печке.

И что делать?

– Иди-иди! – глумливым шёпотом предложило зеркальце. – Открывай!

Я обхватила себя руками и в ужасе застыла, не в силах решиться ни на что.

Кто там? Недовольный свистун? Рановато… Очередной взбесившийся заказчик? Или, может, обещанный принц на

белом коне?

Открывать или сделать вид, что никого дома нет? А если этот громила высадит дверь? Без двери зимой не выживешь, а её вон уже трясёт. Понятно теперь, почему она вся перекособоченная и искорёженная. Не первый раз, вероятно, к Яге ломятся обожатели.

Что же делать?

Сказ третий, о нечисти

Ну и ушлый вы народ,
Ажно оторопь берёт!
Всяк другого мнит уродом,
Несмотря, что сам урод.

Бешеный стук в дверь не давал сосредоточиться. Мелькнула мысль отправить сначала на разведку мышку, но, судя по всему, дверь трижды вынесут, пока шпионка вернётся со сведениями. Да и потом, неужели Яга в своём доме хоть кого-то стала бы бояться?

Нет! Вот и я решила, что нечего тут по углам трусить. Нацепила серьёзный вид, подошла к двери и как заору:

– А ну хватит буянить, дверь мне вышибать! Открываю!

За дверью затихли. Я её открыла, скроила грозную моську и упёрла руки в бока.

На крыльце стояла кряжистая мужеподобная фигура.

Я завороженно уставилась на то, что предполагалось считать лицом. Вместо бровей – несколько тонких сухих веточек, вместо рта – дыра, на голове то ли шапка из мха, то ли мох вместо волос, по бокам ещё и пакля свисает. Вместо носа – острый обломок сучка, вместо одежды – береста, но пугает не это. Пугают глаза. Два провала, в которых кружится серый хоровод. Снежинки? Подхваченные ветром белые ле-

пестки цветущих деревьев? Семена одуванчиков, влекомые по кругу? Осенняя карусель опавших листьев?

Глаза гипнотизируют. Лишают воли. Зовут за собой в самую непроглядную чащу.

Существо не издало ни звука, просто смотрело на меня, а я от страха растерялась. Что в такой ситуации полагается делать? Бежать или в обморок падать? В обморок падать жёстко, а бежать – некуда.

И главное – до нужника с утра не успела дойти, поэтому организм ещё предложил вариант описаться со страху. Я предложение отвергла и сделала очень злое лицо, что всегда куда проще даётся человеку с утренним балластом.

– Утро третьего дня, Яга, – проскрипело чудище.

– И тебе утра третьего дня! – с перепугу перешла я на «ты», но монстра это не смутило.

– Так я зайду? Или брезгуешь приглашать?

Я не просто брезговала, я от страха даже побрызгивала немного, но показать это чудищу отчего-то боялась ещё сильнее, чем самого чудища. Пока тлела надежда, что оно примет меня за свою и не тронет. Но если вдруг поймёт, что я не Яга… На этом жизнь моя и закончится. Уведёт меня оно с собой туда, где никто не найдёт.

Недрогнувшей рукой указала ему на единственное сидячее место в избе.

Чудовище проковыляло внутрь и село на табурет. Из-под воротника берестяной рубахи росли грибы, но, как говорит-

ся, у каждого свои недостатки. Визитёр положил ладони с узловатыми пальцами на стол и посмотрел на меня немигающим завораживающим взглядом.

Кружение частиц в его глазах снова околдовало, и я забыла, что хотела сделать или сказать.

– Ты взялась болотниц извести. Но не извела. Нехорошо… – проговорило чудовище странным корёжащим голосом.

Захотелось обхватить себя руками и спрятаться на печке, но куда там. От страха я застыла, и только одна мысль билась в черепной коробке: не дать визитёру понять, что я боюсь. Интуиция на все лады орала, что новый гость куда опаснее вчерашнего свистуна.

– Думаешь, легко извести болотниц? – я изо всех сил старалась, чтобы голос не дрожал, поэтому вышло сухо и по-деловому.

– Нелегко, – признал визитёр. – Но ты взялась.

– Взялась. И придумала мощное проклятие. Очень хорошее и качественное, но медленно действующее.

– Проклятие? – заинтересованно проскрипело в ответ. – Это хорошо. Это мне по нраву.

– Дело только в том, что действует оно далеко не сразу. Медленно действует, зато наверняка.

Жаль, второй табуретки не было. Мне бы сесть, а то, кажется, ноги подо мной сейчас подкосятся.

– Болотницы распоясались, – проскрежетало в ответ. –

Путников лесных кружат. В трясину заманивают. Моих путников! Которые мне принадлежат!

– Вы из-за этого поссорились? Людей не поделили? – сипловато спросила я.

– Кто в лесу заплутал, тот к лешему попал, – ответило чудовище. – А болотницы разгулялись. Испокон веков в лесу леший главный! А болотниц – извести!

От этих слов словно ветром избушку мгновенно выстудило. По спине поползли противные трусливые мурашки, а волосы на руках и загривке встали дыбом.

– Непросто оно… Разом и всех… – пробормотала я.

– Али денег хочешь больше? – угрожающе скрипнул визитёр.

– Нет. Не денег. Новый краесрок. Что мне, сверху на это проклятие сесть, чтобы оно быстрее исполнилось? – возмутилась я. – Хорошей работе хороший срок. Проклятие подействует месяца через три, не раньше.

– Ты мне обещала за три дня их вывести, пиявок мерзких! – голос лешего из скрипучего вдруг стал неприятно гудящим, пробирающим до самого позвоночника.

– Я обещала за три дня придумать, как их извести! – возразила я, понятия не имея, что там ему врала Яга. – И я придумала! Теперь жди, когда проклятие подействует. А подействует оно не сразу, зато на всех.

Больше мне сказать было нечего. Болотниц не жалко. Явно нечисть какая-то зловредная. Будь у меня возможность

их сейчас извести, чтобы они больше людей в трясину не заманивали – сделала бы, даже если бы меня лично это никак не касалось.

– Знамо, они за три месяца пуще прежнего распояшутся, – проскрежетало чудовище.

– Могу только предложить вернуть деньги. И сам с ними разбирайся тогда! – пошла я ва-банк.

От страха разум работал чётко и быстро: если б леший мог с проблемой справиться сам, к Яге бы не пришёл.

Пугающий гость засомневался. Обернулся в сторону, протянул руку, да и поманил к себе мышек. Они, маленькие, смиренно подбежали и принялись тереться о скрюченные одеревеневшие пальцы. Монстр нежно их погладил, отчего шёрстка засияла серебром, а потом уцепил одну из мышек за хвост и поднял вверх. Та жалобно запищала, и я даже не сразу сообразила, что леший хочет сделать. А когда дошло, мышка уже висела прямо над бездонной впадиной рта, откуда пахнуло трухлявым пнём и затхлостью.

– А ну не трожь мои ингредиенты! – воинственно выхватила я свою подопечную из узловатых пальцев. – У меня всё распланировано. Эти для зелья нужны, – прижала я к себе мышку, внутренне холодея от своей безрассудной храбрости.

– А? – дохнуло на меня смертью чудовище, у которого добычу изо рта вынули.

Выражение того, что с трудом можно назвать лицом, не

изменилось, но я поняла, что жить мне осталось всего ничего.

– Давай я лучше тебя наливочкой угощу, а? Что тебе эта мышь – на один зубок. А мне ходи потом новую ищи. А зрение-то уже не то… – поцокала я.

Мышь, шокированная тем, какие повороты сегодня приготовила ей судьба, скользнула мне за шиворот и закопошилась там. Я аж чуть не заорала от омерзения, но каким-то чудом лицо удержала. И даже не описалась.

Молодец, Маруся!

– Кстати, если тараканов найдёшь, то вот их можешь съесть всех. Не нужны, – доверительно улыбнулась я и широким приглашающим жестом обвела избу.

– Нетуть у тебя тараканов. Только сверчки да паучки, – проскрипел леший. – А наливку давай…

Я схватила первый попавшийся кувшин и метнулась к шкафу с провизией. Стоило уйти с линии невозможного взгляда, как сразу полегчало. Даже вздохнуть получилось несколько раз. Плеснула в кувшин наливки, роняя рубиновые капли на половик, вытерла круглый бок посудины дрожащей рукой, выдохнула и уже спокойно гостю подала. Тот ухватился за ручку и опрокинул в себя весь кувшин разом. То ли потому, что я стакана не предложила, то ли просто по лешачьей привычке, кто ж разберёт?

– Ть-ха… – довольно выдохнул он. – Налей-ка ещё… Так и быть, сроку тебе даю три месяца. Да токма не вздумай про-

вести меня! Смотри, чтоб за пределами этой опушки ноги твоей в лесу не ступало, а то я решу, что сбежать ты решила.

– Вообще-то у меня дела! – попыталась возмутиться я.

– Считай, что покель болотниц не изведёшь, нетуть у тебя других делов, – угрожающе проскрежетал леший. – Знаю я тебя, Яга. Сиди тут да колдуй. И спасибо скажи, что лес твою ворожбу скрывает от досужих глаз. Кощеич ясно всем колдовать запретил, а ты вон личину нацепила и ходишь, как ни в чём ни бывало.

– Можно подумать, ты запрет блюдёшь, – тихо проговорила я.

– Блюду. Не по своей воле, но блюду. Оттого болотницы-то и распоясались. Утекают силушки мои, вот они и обнаглели, зыбочницы клятые, повылазили из трясин своих. Не к добру!

Я аж чуть не поперхнулась от такого заявления. А леший – к добру, что ли? И что у них там за Кощеевич такой, раз сам леший его опасается. Явно не из тех «злодеев», что в колодец плюнул, сани летом не подготовил или дарёным коням в зубы смотрел…

– А если мне понадобятся какие-нибудь ингредиенты? – не желала сдаваться я.

Шансов выжить в лесу и добраться до людей у меня и без того было мало, не хотелось, чтобы избушка окончательно превратилась в мою тюрьму.

– Покличешь, я тебе нужное вынесу, – скрипнуло чудови-

ще. – А ноги твоей чтоб в лесу не ступало. Коли за пределы поляны выйдешь, так я сразу почую. Усекла?

– Знаешь, без должного ты уважения с Ягой разговариваешь, – недовольно заметила я, подавая лешему ещё один кувшин.

– А с чего б тебя уважать, карга? Токма и ищешь, как бы кого оболгать да вокруг пальца обвести.

С этими словами леший опрокинул в себя ещё один кувшин.

– Ну и возвращайся тогда в свой лес, – буркнула я. – Через три месяца результат проклятия сам увидишь.

– И правда, засиделся я. Бывай, Яга.

Лесное чудовище со скрежетом поднялось и медленно вышло прочь из избушки. Я спешно заперлась изнутри и сползла по двери на пол. Нет, я не Маргарита, чтобы таких гостей пачками принимать. Хотелось завернуться в половик и забыть. Но ещё сильнее хотелось домой. Только теперь до меня дошло, что желание-то загаданное не исполнилось.

Я бросилась к зеркальцу.

– Свет мой зеркальце, скажи, а почему желание не сбылось? – сжала я его в руках и с удивлением заметила, насколько оно изменилось, вчера в темноте не разглядела, а теперь на свету такая возможность появилась.

Оправа покрылась патиной, само зеркало постарело и потемнело, а кое-где от углов поползли некрасивые рыжие пятна.

– Потому что ты дура, – хмыкнуло зеркальце, вырывая меня из процесса созерцания.

– А почему ты постарело? – спросила я.

– Потому что постаралось!

Несколько мгновений я переваривала ответ. Ничего не понятно! Ну что за дела?

Ладно. Решила сходить до ветру и обдумать ситуацию.

До чего же вредный артефакт мне достался! Но сдаваться нельзя, нужно продолжать расспрашивать. Оно, хамло эдакое, много чего интересного знает, нужно только найти правильный подход.

Вернувшись, снова взяла в руки медную диковину.

– Свет мой зеркальце, объясни, почему желание не сбылось, – продолжила я настаивать, разглядывая паутину едва заметных трещинок на одном краю стекла.

– Потому что смотреться в зеркало надо, когда желание загадываешь, – недовольно пробурчало оно в ответ.

Зря я вчера приняла этот голос за мужской. Он, без сомнения, не женский, но и не мужской тоже. Скорее просто сухой и нечеловеческий, с металлическим оттенком и едва уловимым эхом. Кстати, теперь я даже разглядела отвечающего. За стеклом проявилась едва заметная маска.

– Спасибо! Уже легче. То есть в темноте загадывать желание нельзя. Значит, попробуем снова. Свет мой зеркальце, перенеси меня обратно в мой мир и мою жизнь! – загадала я.

На это хамоватая диковина ничего не ответила, а я решила

позавтракать и заняться самообразованием. А то книг полно, наверняка там и что-то интересное есть.

Выяснилось, что Яга историю и географию не жаловала, только справочники. Растения, животные, колдовские зелья и обряды… Старые страницы с шелестом ложились друг на друга, но ничего нового я не узнала. Хотя вру. Узнала, что корень и цветки плакун-травы наделены великой силой: они смиряют нечистых духов, делают их послушными воле человека, рассеивают вредоносные чары, спасают от насланных искушений и всяких недугов.

В книге бабы Яги рядом стояла пометка, что растение редкое, уничтожаемое лешим и болотными обитателями. Ещё узнала, что тирлич-трава давала людям возможность превращения, то есть оборотничества. Поэтому ведьмы и волколаки старались её уничтожать и вырывать с корнем, чтобы она не попала в руки человеку, и он не получил способности превращаться в кого-либо.

Безусловно, лишних знаний не бывает, но ничего из найденного не отвечало на миллион вопросов, роившихся в голове. И тут я случайно обнаружила карту! Ну как карту, её подобие. Любой школьник в 7-м классе нарисовал бы лучше, но выбирать не приходилось.

Итак, на листе были изображены различные страны. Тридевятое царство и Тридесятое государство соседствовали с Триседьмым княжеством, Тривосьмым королевством и Трипятым ханством. При этом ничего Тришестого на карте не

оказалось! Интересно было бы посмотреть на полноценный атлас этого мира! Должно же у них по логике и Трипервое, и Тривторое быть. Или это всё-таки не страны, а блюда?

Кстати!

– Мышки, дорогие, – позвала я. – Есть хотите?

– Да! – запищали они.

Я насыпала им зерна, положила на блюдечко ломтик хлеба и немного сыра.

– А скажите, в какой стране мы находимся? – ласково спросила я.

– В Лесной, – подумав, ответила вдруг птаха. – Тут много лесов.

– А называется эта страна как?

– Триседьмое царство, – неуверенно ответила пернатая собеседница.

Понятно. Ясен-красен, на зоопомощь можно не рассчитывать.

Почему-то потянуло на щи. Несмотря на то, что их плескалось на донышке, горшок оказался ужас какой тяжёлый, и я бы не смогла поставить его в горячую печь руками, так что пришлось искать ухват. Он обнаружился в узком шкафу у входа, где Яга хранила метлу и ступу. Открыла заслонку, вооружилась, зацепила горшок и потащила. Ох и тяжёлое это оказалось занятие, чуть ежа не родила!

Заодно и дровишек подкинула. Наконец задвинула заслонку и села за стол, задумчиво разглядывая корешки книг,

но новых среди них не прибавилось. Ни одного пособия по выживанию для попаданок из Навомирья, так вроде Яга назвала Землю.

Интересно почему? Разве не Навь, Правь и Явь должны быть? Ладно Правь, это мир богов. Но наш-то мир должен быть Явью. Хотя… Явью обитатели Явомирья считают себя, а Землю – потусторонним мёртвым загробным миром, так получается? Эх, учебник бы сюда! И не методичку на двенадцать листов, а нормальный справочник по мифам и легендам.

Сидя за столом, бездумно глядела в окно и вдруг заметила странное. Лес шумел и раскачивался, хотя ветра, кажется, не было. Дважды моргнув, я накинула душегрейку с валенками и выбежала наружу.

Тут творилось нечто совершенно невообразимое. Деревья скрипели, стенали и стонали, но в зимнем воздухе – ни дуновения ветерка. Я только сейчас почувствовала, насколько этот воздух сладок. Словно набираешь в руки пригоршни студёной колодезной воды и утоляешь мучительную жажду. И в этом практически неподвижном, напоенном морозом воздухе – качающиеся деревья.

Почему? Как?

Обернувшись, позади избушки увидела то же самое. Нелогичное, странное и пугающее зрелище. Ну нет, лучше я внутри отсижусь за книжками. У меня ещё заметка про разрыв-траву не читана и зеркальце не расспрошено.

Лес продолжал шуметь и стонать, а я чуть не спалила в печке щи. Пока вынула, пока смогла поставить горшок в специальное углубление на шестке, пока налила себе порцию, пока поела – всё это время снаружи творилась страннейшая вакханалия.

– Свет мой зеркальце, скажи, а я могу другие желания загадывать?

– Можешь, – ответило оно, – но тебе это не поможет, потому что ты дура дурацкая.

Вот и поговорили. Ладно, попробуем немного лести.

– Зато ты такое умное, наверняка знаешь, где мы находимся.

– Знаю. В избе Яги, – отозвалось зеркальце.

– А в какой стране?

– В сказочной, – ядовито хмыкнуло оно.

– И как она называется?

– Как назвали, так и называется. Я тебе что, справочная служба?

– Знаешь что? Хочу желание загадать! Хочу, чтобы кто-нибудь сейчас пришёл и объяснил, где я, что происходит и чего ждать дальше!

Зеркальце вдруг на глазах постарело, стекло растрескалось сильнее, а патина потемнела.

– Говорю же, дура! Ещё и нетерпеливая, – ехидно отозвалось это волшебное хамло и замолчало как раз тогда, когда в дверь постучали.

Открывала без опаски – зеркальце же пообещало ответы на вопросы, вот их я и ждала. Ещё втайне надеялась, что там окажется загаданный принц, но реальность по-прежнему била лопатой с размаху.

На крыльце стояла барышня, образ которой наверняка теперь будет преследовать меня в кошмарах. Кожа – с оливковым оттенком, лоснящаяся. Лицо – с правильными чертами, но покрытое слизью и водорослями. Волосы – грязно-чёрные, слипшиеся и свалявшиеся, с них ещё и вода капала. Пухлые обсидиановые губы переливались жирным блеском. Вокруг распространялся запах тины, а на плечах незнакомки налипла ряска, она же едва прикрывала высокую грудь. К поясу верёвкой были привязаны пучки осоки, которые не только особо ничего не скрывали, но и даже подчёркивали запредельную монструозную красоту и наготу гостьи.

Улыбнувшись полным острых зубов ртом, она спросила:

– Неужто на пороге меня будешь держать, Яга?

Понять, куда именно она смотрела, невозможно. В глазах незнакомки не было ни радужки, ни зрачков, ни белков, только плескалась чёрная болотная топь, смертоносная и бездонная.

Ну здравствуй, зыбочница.

– Проходи, – осипшим голосом ответила я.

Плавной кошачьей походкой она подошла к табурету и без приглашения села на него, вытянув длинные ноги цвета мирта. Под ними тут же собралась крошечная лужица, распро-

страняющая запах подгнившего багульника.

– Ты что обещала, Яга? От лешего нас избавить. Мы тебе жар-цвет отдали? Отдали. А теперь что? Леший бушует, будто пьяный! – исподлобья посмотрела на меня гостья.

Упс!

Нет, ну скажите, кто мог знать, что с двух кувшинов наливки его так развезёт? То же мне нечисть…

– Это он бушует, потому что приходил, пытался сторговаться со мной за то, чтобы зыбочниц изничтожить. А я ему отказала, – вздёрнула подбородок я, всем своим видом изображая оскорблённую невинность. – А ты теперь приходишь и претензии мне предъявляешь.

Болотница стушевалась.

– Так он с того эдак залютовал? Вот ведь пакостник лесной! А чего он предлагал?

– Денег, вестимо. Но я ни копейки у лешего не взяла, – со всей честностью посмотрела я нечисти в глаза.

Та повеселела. Обнажила в пугающей улыбке десятки острых клычков и посмотрела на меня уже иначе.

– Молодец, Яга. Али мы, бабы, супротив одного мужика не выстоим? Выстоим!

– Только смотри, нелегко мне приходится. Леший силён, сама видишь.

– Вижу? Вижу! Оттого и пришли мы к тебе. Стали б мы жар-цвет тебе отдавать, ежели б сами могли справиться? – резонно спросила болотница.

– Надо вам на лешего напасть. Сегодня он лютует страшно, а завтра поутру будет слаб и немощен. Откат сил случится у него. Тут-то вы его и должны атаковать. А я вам подсобила ужо. Будет завтра ему так дурно, что ни в сказке сказать, ни пером описать, – заверила я.

Если леший пьянеет, то и с похмелья мается, так ведь? А мне всё лучше: пока нечисть друг друга мочит, про меня вспоминать не будет. Ещё б свистуна с ними как-то стравить, вообще шоколадно получилось бы. Пока у них между собой дрязги, можно аккуратненько подливать то наливочки в лешего, то дезу в болотницу, то зелья в разбойника, то керосинчику в огонь.

– Ах ты, Яга! – восхитилась болотница. – А чего сразу его не кончила?

– Да кончишь такого, как же! Надо по-умному делать. Ослаблять потихоньку, а уж потом добивать. Лучше всего – в ближайшие три месяца.

– Хороший план? Хороший! – одобрила болотница.

– Да и сама понимаешь, с запретом на колдовство сильно-то не разгуляешься. Надо действовать осторожно…

– И то верно! Так что ж ты в личине тогда ходишь? – вздёрнула нечистая гостья точёную бровь.

– Нравится она мне. Да и для дела надо. Жду одного доброго молодца, – поделилась я.

– А-а-а, – понятливо протянула болотница. – Разве я не пойму? Пойму. И что, хорош молодец-то?

– Должон быть красив, умён и богат, – фыркнула я. – А там посмотрим.

– Ой, ну резвись, Яга. Чего б не резвиться-то с красивым-то, а? Кстати, о красавчиках. Мы тут весточку от родственницы одной получили, – загорелись у болотницы глаза мерцающими завораживающими огоньками, – от озёрницы, что рядом с теремом Кощеевым обитает. А та водит дружбу с его банником.

– Да ты что? – деятельно заинтересовалась я.

– А то! Так вот, банник сказывал, что Кощеич ищет навомирянку. Ну про то все уже знают, весть-то уж сутки гуляет по городам да весям, по лесам да топям. Так вот, банник клянётся, будто Кощеич способ нашёл, чтоб волшба, значит, не хирела. Знаешь какой?

– Какой? – спросила я, уже предчувствуя, что ничего хорошего навомирянке в этом способе не светит.

– В жертву её принести, да тем каналы между Навомирьем и Явомирьем разрушить! – восторженно поведала болотница. – Представляешь? Золотом даёт за навомирянку её полный вес! Али на диковину какую меняет. Уж об чём я мечтаю-то? В тайности поймать стервь эту, да Кощеичу лично отвезти! Ежели ты сама её словишь, то уж свистни мне. Я забесплатно её в столицу сопровожу да ещё и одарю тебя сверх меры.

– С чего бы такая щедрость? – скептически спросила я.

– Как с чего? Ты Кощеича видала? Красавчик-то какой,

а? Глазищи чернючие, как сама ночь! А всё ходит холостым. Трое смотрин уже устраивал, а всё не лежит у него ни к кому душа. А я б показалась ему на глаза-то. Что ж я, хуже всех, что ли? Не хуже!

Болотница и правда была не хуже всех, а что до оливковой кожи, острых зубов да топи в глазах – наверняка и на это любители найдутся. У меня такую одноклассницу замуж взяли, что болотница рядом с ней просто модель.

– И в кого он такой красавчик уродился? – задумчиво пробормотала я, вспоминая образ Кощея.

Точно не в отца.

– Как «в кого»? – встрепенулась гостья. – Не в тебя ли?

– В меня? – вытаращила я глаза.

– Что, нет? – разочарованно протянула она. – А то ходят слухи, будто ты его родила…

Нет, такую вероятность исключать нельзя, конечно. Я-то понятия не имею, кого там родила или не родила Яга.

– А уж я размечталась и за князя нашего замуж сходить, и с тобой, Яга, породниться… Сама знаешь, невестка из меня получится знатная. А кто ж тогда мать его? – задумалась гостья. – Уж не Марья Моревна ли?

– Или Василиса Премудрая, – зачем-то подсказала я.

– Думаешь? – вытаращилась болотница.

– Говаривают, был у них с Кощеем бурный курортный роман… – протянула я.

– Да ты что?! – всплеснула руками болотница, и по ком-

нате разлетелись брызги тины. – Ой, – замерла она под моим тяжёлым взглядом. – Я случайно.

– А князь, значит, наш…

Я задумчиво посмотрела на болтливую гостью, решая, как лучше вытянуть из неё сведения.

– Наш, чей же ещё? Говорят, король Егор Евпатьич в Тривосьмом королевстве, напротив, колдует во всю мощь. Да ещё знаешь что? Войной нам грозит!

– Нам? – деланно удивилась я.

– Ну, всему нашему Триседьмому княжеству, – округлила глаза болотница. – Представляешь? Я вот представляю, что начнётся, коли опять война пойдёт. Мало нам Трипятого ханства, что вечно воду баламутит?

– Политики, – презрительно поддакнула я.

– Скажи? – согласилась собеседница, горячо закивав, аж ряска с груди немного сползла. – Но уж князь-то наш такого не допустит. Всем ведомо, какой Кощеич стратег! Мож, и верно сын Василиски-то Премудрой, а? Уж больно умный…

– Не страшно за такого замуж идти-то было бы? – ехидно поддела я.

– А что, мне ж с ним не в уме состязаться! Чем умнее муж, тем спокойнее живётся его жене, – мудро изрекла болотница.

– Ты лучше расскажи, с чего у вас с лешим-то разлад пошёл.

– Ой, ну там такое… повздорили сначала из-за девицы той беременной, что мы в топь заманили. Леший орал, что

она ему лесовичка бы родила. А мы что? Нам тоже ещё одна болотница не лишняя. В общем, ругались-ругались, ажно звери все поразбежались. Потом вроде замирились. А леший вдруг и говорит: «Нетéча, можно я потрогаю твои прекрасные волосы?». А я что? А я разрешила! Так он взял да под носом у меня пальцем провёл, да ещё и сказал громко так: «Хороши усищи!»… Тут-то драка не на жизнь, а на смерть и началась.

– Да неужели? – сдавленно спросила я, не просто офонаревшая, а опрожекторевшая от этой непосредственности, с которой они сначала беременную девушку утопили, а потом из-за усов разругалась до взаимного уничтожения.

Ни на секунду нельзя забывать, что передо мной нечисть. Пусть выглядит она человекообразно и желания у неё вполне человеческие, но если б она узнала, кто я такая, долго бы я не прожила. Отволокла бы меня болотница к Кощеевичу и радовалась бы своей удаче.

– Кстати, а как бы ты к Кощеевичу поехала? Тебе не нужно на болоте жить?

– Ой, ну разве это не решаемо? Решаемо! Бадью бы налили, ряску пустили, жаб да водомерок… Доехала б до Стольнограда, как царевишна.

– Ясно. Ну, спасибо тебе, Нетеча. Иди, готовь нападение на лешего. А уж я вам завтра с утра подсоблю и наговором, и ещё чем смогу. Только уж не разболтай лешему, что я тебе о его планах рассказала, а то перестанет он мне доверять да

заподозрит нас в заговоре.

– Я – болото! – клятвенно заверила она.

– Ну всё тогда, бывай, Нетеча.

– И ты бывай, Яга!

Попрощавшись, нечисть плавной походкой перетекла за порог и пошла в сторону леса, оставляя на снегу мокрые следы. Интересно, неужели болота не замерзают зимой?

Оставшись в одиночестве, я вернулась в избушку, вымыла грязь после прихода гостей и потерянно села на табурет.

Картина вырисовывалась безрадостная.

Леший меня сквозь лес не пустит.

Неизвестно, каким ещё заказчикам и что наобещала Яга.

Свистун вернётся через несколько дней претензии предъявлять.

Кощеевич этот ищет, награду объявил немалую. И хотелось бы позлорадствовать, что за меня ему особенно сильно придётся раскошелиться, но как-то не получается.

Одна надежда – на принца. Если его королевство колдует, а с Кощеевичем они на ножах, то нужно как-то с ним пытаться встретиться. Или не стоит торопить события?

Я взяла в руки зеркальце и внимательно его рассмотрела. Да уж. Выглядело оно теперь совсем древним, того и гляди в руках на куски распадётся.

– Свет мой зеркальце, скажи, количество желаний, что тебе можно загадать, ограничено?

– Разумеется.

– А чем?

– Силою моею. Так что стать поумнее можешь не загадывать, я не настолько могущественно, – ядовито процедило оно.

– И много я уже сил твоих потратила? – с тоской спросила я.

– Много. Почти все, – злорадно прозвучало в ответ.

– Ясно…

– А нечего было столько всего разом загадывать! – съехидничало зеркальце. – Наслаждайся теперь.

Я глубоко вздохнула, пытаясь обрести внутреннее равновесие.

Нужно составить план и придерживаться его, но сосредоточиться мешало всплывающее перед глазами лицо болотницы.

Сказ четвёртый, о внезапном коллективизме

Уезжала б ты отсель
В энтот… как его… в Бруссель,
Раз такая происходит,
Извиняюсь, карусель!

Итак, чем я располагаю?

Семьюдесятью пятью килограммами чистейшего обаяния, икромётным чувством юмора и умением всегда понять, когда нужно было остановиться вчера. Зеркальцем с непонятным механизмом исполнения желаний, репутацией злодейки, шкафом разных ингредиентов для зелий, мышами-информаторами и умением ворожить. Не зря же искры в зелье посыпались?

Я с подозрением посмотрела на руку. Попробовала поколдовать, но что-то пошло не так. Вернее, что-то пошло никак. Ладно, оставим.

Судя по виду, зеркальце хамило из последних сил, трогать его стоило только в самом крайнем случае, если встанет вопрос жизни или смерти. Почему оно отказывалось возвращать меня обратно? Это самый важный вопрос, нужно попробовать хоть лестью, хоть угрозами, но ответа добиться.

Что ещё?

Избушка бабы Яги хоть и стояла в лесу, однако у местной нечисти пользовалась большой популярностью. Рано или поздно кто-нибудь меня обязательно раскусит. Помогало, конечно, что к ведьминым личинам все привыкли, но это не панацея. Нужно рвать отсюда когти. Но как и куда? В этом, вероятно, придётся довериться принцу и понадеяться на его смекалку. Я же загадала умного, вот пусть и придумывает, как деву из беды выручить.

Тогда оставалось только запастись терпением. Ещё раз пролистав колдовские справочники, ни одного обряда для ускорения исполнения желаний не нашла, как и заговора на невидимость. Зато взгляд постоянно цеплялся за грязный горшок и несколько тарелок, что скопились у печи. Вот придёт принц, а у меня посуда не мыта. Отсутствие трусов, конечно, помогло бы сгладить эту оплошность, но не буду же я начинать знакомство с демонстрации голого зада? Начну с демонстрации зада жизненно-ситуационного, а потом уже по обстоятельствам.

Если честно, мысли о принце нет-нет, а щекотали изнутри. Какой он? Наверное, светловолосый и светлоглазый, такой, чтоб ему квартиру в Москве сразу по внешности сдавали без дополнительных вопросов. Логичнее было бы, чтоб он оказался царевичем, но тут уж сама загадала так загадала.

Вообще, странно, конечно. И как я в него должна буду влюбиться? Тут же всё такое… Несерьёзное? Нарочитое?

Нереальное?

Сколько дней я уже тут, а всё равно поверить в эту сказку до конца не могу. Вот не могу – и всё тут! Кажется, будто это кино рано или поздно закончится, а я проснусь дома, в родной девятиэтажке с канализацией, отоплением и водоснабжением почти круглый год, не считая традиционного праздника летнего трубоменяния.

Так как мыть горшок в избушке было негде и нечем, оделась и вышла во двор.

Неужто у Яги для этого имелись особые заклинания? Ну не было во дворе ни умывальника, ни раковины, ни даже корыта, так что руками посуду тут никто точно не мыл. Я разворошила несколько сугробов и нашла навозную кучу. Какая удача, такие и находки, вестимо.

Небольшой отдельно стоящий домик с соломенной крышей оказался баней. Я заинтересованно его осмотрела, прикидывая, как бы ею воспользоваться. А то мыши по мне уже бегали, так недолго и вшей завести. Не удивлюсь, если они тут тоже говорящие. А мне и тараканов в голове хватает, говорящие вши были бы излишни.

Рядом с баней не было ни ручья, ни речки, только канавка для стока воды. Видимо, придётся таскать воду из колодца на другой стороне полянки. Надо ли говорить, что необходимость горбатиться, чтобы помыться, не добавляла оптимизма?

В итоге я согрела немного воды в печи и водрузила гряз-

ный горшок на пень для удобства. Вторая засада состояла в том, что мыла у Яги не было. Ни в бане, ни в шкафах. Зато нашёлся рецепт варки мыла из золы, а золы у меня было полно. Чего ещё у меня было полно? Времени и нерастраченного энтузиазма!

В общем, я с трудом, но отыскала треногу для подвешивания котелка, развела костёр на улице, используя угли из печи. Принесла золу в чистом чугунном горшке и подвесила его над огнём. Надо признать, что пока помывка горшков шла в некоторый минус: вместо одного грязного получилось уже два, ещё и руки все перепачкала, а снегом сажа с них не оттиралась, так что я заодно и баню растопила. Вот сварю мыло, потом помою горшки, а потом и сама помоюсь. Так неделя и пройдёт. Можно будет процесс заново начинать.

В рецепте предлагалось сначала наварить щёлока, потом его сцедить, добавить жира, концентрированного травяного настоя и дать остыть. Всё это рекомендовалось делать медленно, разделяя процесс на дни, но помыться захотелось сегодня, так что я немного нарушила рецептуру, зато колдовство вдруг проснулось. Когда через два часа в горшке от воды отслоилась желтоватая жидкость, и я попыталась её слить, оказалось, что горшок слишком тяжёлый. Едва не уронив его себе на ногу, хорошенько обругала чёртов щёлок, и с рук сами посыпались искорки, после чего щёлок не только слился и процедился на ура, но и поменял цвет. Полученную жидкость я принялась вываривать в третьем по счёту горш-

ке, уходя в окончательный минус. Получается, смысла было бы больше, если б я первый грязный горшок просто закопала в снегу.

Но раз уж взялась…

С рук посыпались искры, в щёлочь полетели травы, следом полились масла и жир. В получившийся поташ требовалось добавить соль, чтобы вышло кусковое мыло, но его по рецепту ещё и сушить надо было, так что я решила, что у меня мыло будет жидкое. Собрала поташ, сложила в миску и принюхалась. Пахло парфюмированными коровами. Я щедро добавила ещё эфирных масел, немного отвара, сыпанула искр и помешала.

Получившаяся масса не пенилась, но после всего, через что мы прошли вместе, я ей это простила.

Жирный горшок из-под щей я кое-как натёрла результатом трудов. Жаль, что на морозе всё мгновенно застывало, и было непонятно – отмывает моё гениальное мыло или просто налипает сверху?

– Неправильно ты, Яга, горшок чистишь, – вдруг прогундосили из-за спины.

Я резко разогнулась и огляделась, но никого не заметила.

– Это кто сказал? – завертела я головой.

– Это я сказал, – ответил большой чёрный кот в очках, сидящий на плетне.

– Доброго дня. Хочешь сам заняться? – выгнула я бровь, указывая на горшок.

– Что я, домовой?.. – обиженно мурлыкнул кот и принялся лизать лапу, из-за чего очки начали сползать.

Хм, вариантов не так много. Это либо Бегемот, либо Баюн. Антураж скорее предполагает Баюна, так что примем эту версию за рабочую.

– С горшком я уже почти закончила. Сполоснуть только осталось, – сказала я и принялась обливать грешный источник неприятностей тёплой водой.

Жир, на удивление, смылся, чего не скажешь о саже. Ладно, просто постараюсь воздержаться и не облизывать котелок снаружи. Закончив, поставила условно чистый горшок на пенёк и вопросительно посмотрела на кота.

– Ты по какому, собственно, вопросу? – спросила я, подбоченясь.

После лешего и болотницы интеллигентный котик в очках не особо впечатлял.

– По вопросу обратного превращения в человека, разумеется. Взнос я оплатил, согласно договорённости на место расколдовки по расписанию прибыл.

– Ясно. Как видишь, я немного занята. Да и баня натоплена. Приходи лучше в другой день. Через недельку, например.

– А я никуда не тороплюсь, – заверил кот. – Иди, купайся, я подожду.

Ладно. Раз с наскока избавиться от очередного гостя не получилось, тогда подумаю, как от него отвязаться, пока в бане парюсь. Опять же, торопиться не стану, вдруг он за-

мёрзнет ждать и уйдёт кого-то другого учить, как правильно горшки мыть?

Солнце тем временем начало клониться к горизонту. Коекак сполоснув в тёплой воде условно мытую посуду и горшки из-под щёлочи, утёрла пот со лба. Хорошо, что баня протопилась, иначе принца я бы встретила не только сшибающим с ног природным обаянием, но и куда более ядрёным природным ароматом.

Оставив кота снаружи, отнесла посуду, взяла чистую одежду и пошла мыться.

В маленькой баньке единственное окошко имелось в предбаннике и давало не очень много света. Раздевшись, стопками уложила грязную и чистую одежду на лавку. Хотела уже заходить в парную, как в тёмном углу что-то блеснуло и закряхтело.

– Кто тут? – сурово спросила я, заподозрив кота в подглядывании.

– Как «кто»? Я это, хозяйка, – раздался в ответ довольный старческий голос.

– А… ты… – разумеется, я понятия не имела, кто смотрит на меня из тёмного угла, но никогда бы в подобном не призналась, вместо этого сурово сдвинула брови и гаркнула: – А ну не подглядывай!

– Жалко тебе, что ли? – обиженно буркнули в ответ. – Я ж только посмотреть. Хочешь, спинку тебе попарю?

Вот только вуайеристской нечисти не хватало! Уж не бан-

ник ли это?

– Отлезь! – цыкнула я на него. – Сама справлюсь.

В углу разочарованно вздохнули.

На всякий случай завернувшись в простыню, зашла в парную. Ох, как хорошо! Баню я всегда любила, жаль только, что дорого в неё ходить, да и не с кем. Разве только с мамой… А с ней куда ни пойдёшь – результат один. Ложками будешь есть её претензии на тему того, какая я неправильная дочь, и запивать из графина под названием «ничего ты по-человечески сделать не можешь, вся в отца». Можно подумать, это я себе отца выбирала, а не она. Меня так-то никто особо не спрашивал, хочу ли я рождаться в нищей семье, состоящей из вечно ругающейся между собой семейной пары – матери и бабушки.

Несмотря на все трудности и странности, в Явомирье был один существенный плюс: никто на мозги не капал. Да, угрожали убить, но лучше быстрая смерть, чем вот эти бесконечные потоки недовольства и претензий.

Можно подумать, у ребёнка есть выбор или возможность как-то на свою судьбу повлиять. Хорошо, мама пожалела, что связалась с отцом. Я поняла. Дальше-то что? Что я должна была сделать, чтобы она отстала? Родиться обратно?

Невозможно жить в бескрайнем море нелюбви. Хорошо, что у меня была бабушка. Благодаря ей я и держалась, но когда она скончалась, стало во сто крат тяжелее. Скандалы в доме не прекратились, однако сменился вектор. Мать цели-

ком переключилась на меня.

В одной из статей писали, что нежеланные дети растут с установкой «лучше бы меня не было», не могут ни любить, ни реализоваться, только разрушают себя, явно или опосредованно. Я изо всех сил старалась жить иначе.

Только осознать, насколько больная у нас дома обстановка, получилось не сразу.

Однажды за ужином в гостях у подруги её младший брат разлил сок. Целый стакан сладкого апельсинового сока. Я аж сжалась от ужаса, потому что меня за такое третировали бы месяц, а мама подруги всего лишь сказала: «Иди принеси тряпку и вытри пол, а я пока протру стол». И всё! Не наорала, не назвала его криворуким, не швырнула вилкой. Просто помогла убрать разлитое. Сока, правда, больше не налила, кончился он. Из-за стола в тот вечер семья вышла в нормальном настроении, а о «катастрофе» все забыли примерно сразу.

Тогда у меня случился культурный шок. Когда я разлила полстакана воды, мать ещё неделю припоминала и называла никчёмной. Самое смешное, что когда она сама случайно опрокинула на себя тарелку плова, а я съязвила, что криворукость унаследовала от неё, она обиделась и почти месяц со мной не разговаривала. Благословенные деньки!

В общем, домой вернуться хотелось, но… только потому, что пока тут было опаснее и непривычнее.

Хорошо хоть кот с виду мирный. Как только от него отвязаться теперь?

Мыться новосделанным мылом я на всякий случай поостереглась, но и простой горячей воды хватило, чтобы освежиться. Ополоснула волосы травяным отваром, растёрлась грубой льняной простынёй и вышла в предбанник. Прохладный воздух тут же защипал колени и плечи. Быстро замотала волосы в полотенце, оделась в чистое и выбежала наружу. От разгорячённой кожи мгновенно повалил пар.

Чёрный кот и не думал никуда уходить, свернулся калачиком на крыльце, заняв его почти целиком. При моём появлении встрепенулся и уверенно потёрся боком о косяк.

Ладно.

Кот учёный мог пригодиться в качестве информатора.

В избушке было тепло. Запустив гостя, скинула душегрейку с валенками и смела снег за порог.

– Ужинать будете? – спросила я у кота.

Тот отказываться, разумеется, не стал. Занял место на нешироком подоконнике и смотрел на улицу. Интересно, он знает, как свет зажечь? Как бы так спросить, чтобы себя не выдать?

Наложив закусок на две тарелки, я насыпала зерна в мисочку для мышей с птахой и поставила на пол в углу. Стоило грызунам выползти из-под шкафа, как кот выгнулся дугой и заорал дурниной:

– У тебя что, мыши в доме?!

– И коты, – флегматично ответила я. – Но мыши тут живут, а коты нет. Так что я бы рекомендовала сбавить градус

возмущения.

– Мыши в доме! Позор! Да ни один советский человек такого бы не потерпел! – полным страдания голосом взвыл кот. – Не дом, а хлев какой-то!

– Это такие же говорящие звери, как и ты, – фыркнула я.

– Неправда! Я – человек. Уважаемый профессор, лектор и доцент! – взвился кот. – Я просто попил не из того родника!

– Это как? – заинтересованно спросила я, садясь на табурет.

– Табличку «Не пей, котёночком станешь» не воспринял всерьёз, – пожаловался гость. – Попил. И стал.

– Печально. И теперь ты хочешь, чтобы я тебя обратно расколдовала?

– Разумеется! Сколько можно котом ходить? Это унижает моё человеческое достоинство. Я хочу вернуть свой истинный облик и поскорее отправиться домой! Не могу уже тут! Надоело! Сплошной индивидуализм. Никакой кооперации! Никакой сознательности в гражданах!

И так он это сказал… Ещё и человек у него был советский. Не русский. Советский!

– Так ты из Навомирья! – догадалась я.

– И что? – вздыбился кот, встопорщив вибриссы и воинственно выгнув спину.

– Да ничего. Интересно, как ты тут оказался…

– Дело было в семьдесят втором, – повёл рассказ кот, успокаиваясь и садясь на место. – Я в лес пошёл грибов собрать,

да и заблудился. Под Свердловском знаешь какие леса? Не хуже этих. Так вот, хотел на дерево залезть, посмотреть, где ближайшая опора ЛЭП, но случайно оступился, свалился с дерева и покатился в овраг. А на дне оврага – туман. Я из него выбрался, смотрю, а вокруг всё другое – не осень, а весна ранняя. Ходил по лесу, пить захотел. Вышел к роднику, а на нём табличка. Я, разумеется, подумал, что это шутка.

– И в котёнка превратился… – шёпотом проговорила я.

– Да. Теперь вот ищу, кто меня расколдует и проход в Навомирье откроет. Там-то, небось, уже города на Марсе… – мечтательно протянул гость.

Я аж хрюкнула от неожиданности.

– И не боишься возвращаться после стольких лет? Вдруг в Навомирье всё изменилось?

– Не боюсь! – решительно ответил кот. – Раньше сюда много кто из Навомирья попадал и даже обратно возвращался. Теперь всё меньше. Знавал я одного старца, ещё из царской России, так он прижился тут, даже доволен был. Но так он монархист, что с него взять?

Последнее прозвучало с изрядной долей презрения.

– И как же ты тут столько лет? – сочувственно спросила я, переваривая новость.

– Как-как? Плохо! Пытался колхоз организовать, но эти дремучие люди чужды социалистическим идеям коллективизации. Сплошное разочарование! – раздосадованно дёрнул хвостом собеседник.

– А чем же ты собираешься заниматься в Навомирье, когда вернёшься? – тихо спросила я.

– Как чем? Профессия у меня востребованная: я преподаватель истории КПСС. Я бы обратно в университет устроился. Это раньше студенты нерадивые попадались, то и дело на лекциях засыпали или даже прогуливали, а теперь-то, наверное, посознательнее пошла молодёжь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.